

Валентин Голиненко

(1954–2014)

«На самом деле было только слово...»

Голиненко Валентин Григорьевич родился в 1954 г. в Киргизии в г. Кара-Балты. Учился в Томском политехническом институте. Некоторое время работал редактором новостей Восточно-Казахстанского областного телевидения. Много лет работал электрослесарем на Иртышском химико-металлургическом заводе. С 1999 по 2014 гг. работал наладчиком КИПиА в заводской лаборатории ТОО «Иртышская редкоземельная компания». Стихотворения Валентина Голиненко печатались в журналах «Октябрь», «Сибирские огни», «Студенческий меридиан», в альманахах и коллективных сборниках «Молодая гвардия-83», «Томь», «Истоки» и др.

Бывают бумажные цветы, искусно сделанные, так искусно, что их не отличишь от живых, тем более, что и живые в нынешние времена «производятся» без запаха, уж очень много аллергиков породила нынешняя цивилизация. Бывают и бумажные стихи, которые тоже очень похожи на настоящие: читаешь - и всё как бы присутствует формально: и ритм, и рифмы женские и мужские, и ассонансы и диссонансы (и прочие фокусы при формальной изощрённости). Бывают, конечно, и не кондиционные тексты и тоже почти не отличимы от всех, что встречаются во всяких там англо-американских и европейских университетских изданиях... Крупные издательства эту продукцию не особенно жалуют, а стиховеды и лингвисты окучивают и это «дикое поле». Пусть там и следа и духа нет из того, что Борис Леонидович Пастернак определял как «почва и судьба», но эта продукция не иссякает и порождает, как ни странно, последователей и на нашей, так сказать «датской» почве.

И что же бедный читатель, почти мнимая величина, корень квадратный из минус единицы, судя по нынешним тиражам поэтических книг. Как ему и с помощью какой лакмусовой бумажки отличить живое от мёртвого? Может быть ему с дивайсом в мозгах или руках уже и не нужно живое? Он и вокруг себя почти не видит живого. Помню, читал когда-то давным-давно рассказ фантастический какого-то американца, герой которого в поисках даже не цветов, а просто настоящей травы, проблуждав по всем этажам подземным и не найдя ничего живого даже на гидропонике, выбирается на поверхность земли, видит наконец зеленую- зеленую траву. Припадает к ней, вдыхает, пробует на вкус и понимает, что это пластмасса. В отчаянии вскрывает себе вены, умирает и уже в агонии слышит: это уже пятый за последнюю не-

делю...что -то надо менять в программировании этой серии роботов. Смею надеяться, что не всё вокруг пластмасса и не все вокруг трансгуманисты с начинкой ИИ. Рождается и подлинная поэзия, и её создатели... всё ещё. Рождаются и в столицах, и в крупных городах и на окраинах. На окраинах империи, по замечанию И. Бродского, даже чаще, у него на этот счет были свои аргументы. Нынешние независимые государства всё ещё хранят реликтовые запасы живого русского языка, не засушенного в словарях и не искаленного средствами массовой информации. Как великий грек Кавафис родился в Александрии, на территории нынешнего Египта, части некогда обширнейшего эллинского мира, так и гениальный Павел Васильев родился в Казахстане, тогда части культурного русского мира. По берегам Урала, Иртыша, у отрогов Алтая издавна селились русские люди: казачество, старообрядцы, переселенцы из южнорусских земель. Они привносили в эти места и свой образ жизни, и культуру, и язык. Все это переплавлялось в «тигле» общего жития, туда добавлялся и естественный тюркский «акцент». Почему естественный? Потому что еще с незапамятных времён тюркский языковой элемент окрашивал и бытовую речь русских людей и входил в письменную культуру (летописи типа «Сказание о траве Емшан»).

Ничего странного нет, что почва здешних, как бы отгороженных границами мест, все ещё плодородная. И на этой почве восходят Поэты. Русские поэты.

Их явление не спрогнозированы никакими геофизическими признаками. Они рождаются вдруг. Как рождаются звёзды, как рождаются новые вселенные. Они – «единственная новость, которая всегда нова...». Но одним поэтам сопутствует чуткая акустика эпохи, а голос других обложен как бы ватой оглушительного безразличия. Слух современника устроен «чтоб слышать напев торгашей» и огрублён пропагандой. Можно только надеяться, что чуткие читатели журнала поэзии услышат голос подлинного и большого русского поэта Валентина Григорьевича Голиненко.

Александр Шмидт

* * *

Прохладное, как яблоко в росе,
Тяжелое, как яблоко в ладони,
Катилось солнце по речной косе, –
Его губами пробовали кони.
Я снова здесь – и снова я о том,
Что чистый воздух густ и неподвижен,
Что в этом чистом воздухе густом –
Прислушайся – черёмух шелест слышен.

Безветренно, а листья шелестят.
Черемуха склоняется напиться.
И не похож на прежние закат –
И тоже никогда не повторится.
Ух, как хотелось время одолеть!
Остановить, переупрямить в муке,
Чтобы себе, как есть, запечатлеть
Все эти краски, запахи и звуки.
Чтоб ясное, как яблоко в росе,
Прохладное, как яблоко в ладони,
Катилось солнце по речной косе,
Его губами пробовали кони.

Ночь

Искры сыплются с клена
Догорать на песке.
Ночь темна и студена,
Как вода в роднике.

За оврагом, за рощей,
В лешачьем бору
Ветки ягоды волчьей
Воют, как на ветру.

Филин ухает, или
Зыбью поле взялось,
Или эхо забыли –
В камнях прижилось.

Иль во млечной, туманной
Зге ночного огня
Кто-то близкий и странный
Кличет-ищет меня.

Где сбежались дороги,
Наш очаг не погас,
От любви и тревоги
Ты проснешься сейчас.

* * *

Откровенны глаза у голубы,
Не умеют они обмануть.
Зацелую ресницы и губы,
И колени, и грудь.

Зацелую, заставлю забытья,
Сладким стоном заставлю стонать:
Помни, горлинка, знай, голубица,
Улетишь – стану сниться и мниться,
Будешь век обо мне поминать.

А ведь ты улетишь! Ты такая,
Ты сякая – в глазах небеса.
Улетишь ты, рассвет рассекая,
За моря, за леса.

Всклень тоскою граненый наполню,
С ней, зеленой, смешается грусть.
Твои тайные родинки помню
Все – наощупь, на вкус, наизусть.

Там под кожей дышат тревожно
И пульсируют ревность и страсть.
И вино – и никак невозможно
Уцелеть и совсем не пропасть.

Но вино не избавит от жажды.
И не сможешь взлетать без любви.
Ты другого, чужого, однажды,
Как меня назвала, назови!

* * *

О любви на рассвете блажит вороньё,
Только всё это лажа, досада, враньё.
На плече занемевшем, в тумане волос –
Нелюбимая женщина. Ветер принес.

Это ветер и морок, и вся маета,
Это темень Вселенной в спираль завита,

Это шлялись деревья, им все не спалось,
И ломились в дома, и колечко вилось.

И гуляла сирень. И нам было темно.
А еще нам обоим все было равно.
Она спит – и ей руки мои не тесны.
На рассвете ей детские видятся сны.

А за окнами пух, тополиная мга,
И лешак с медовухой обходит лога.
И когда он доходит до края земли,
То шалеют спросонок цветы
И шмели.

И всем телом дрожит молодая
Сирень, –
И сиреневый ответ ложится на тень.
И глаза открывает
Под грай воронья
Нелюбимая женщина – горечь моя.

* * *

Дождливы, послушай, июньские ночи,
Да утра погожи:
В лесной полосе
Курятся плетеные гнезда сорочки,
Осины стоят по колена в росе.
Вот так и запомнится это, как будто
Еще до рождения жили во мне
И теплая нота шмелиного гуда,
И чайка на серой Иртышской волне...
Обнимем коней,
Да по травам по росным,
По влажному, по золотому песку
Нас вынесут кони к взлетающим соснам –
На правом, обрывистом берегу.
И там, над обрывом, прохладен и сладок
С покосных лугов восходящий поток,
И взгляд улетает, и между лопаток

Протяжный, ознобный сквозит холодок.
Запомню, как чайки с волною играют,
Обрыв под ногами качается, крут,
А волны, на стрежне родясь, не стихают
У берега дальнего –
Полям идут.
О, все я запомню, поскольку не вечен
На этой планете в космической мгле,
Поскольку есть утро, поскольку есть вечер,
Поскольку мне выпало жить на земле.

* * *

И побродишь по белому свету,
И войдешь в травостой голубой,
И вернешься на эту планету –
К шалашу над вечерней Убой.

И тогда повезет: среди ночи
Налетит и разбудит гроза.
Зыркнут ягоды алые волчьи,
Словно стаи голодной глаза.

Быстрый ливень ударит о камни,
О бегущую пропасть реки,
И заходят в потемках кругами
По воде окуней плавники.

А когда изорвется на клочья
Грома беглого рокот глухой,
Всё не гаснут – ни ягода волчья,
Ни шиповник – от ветра сухой.

И под кровлей, трухлявою, ветхой
Не слышны ни звезда, ни зверье,
Только тополь неловкою веткой
Все скребется в жилище твое.

* * *

Ночь темна, как луна наизнанку,
Холодна, как подтаявший лед.
Но петух заорет спозаранку –
Все пройдет, даже это пройдет.

И продрогшего, трезвого, злого
Суматохою встретят грачи.
И войдет в тебя прошлое снова –
Так вонзится, хоть волком кричи.

Грязный снег и подмерзшие лужи,
И грачи на церковных крестах,
И кристаллы слабеющей стужи
Белым пухом на черных кустах.

И – прощайте, прощайте, прощайте –
Все простите, кого потерял!
Время – лекарь плохой, беспощадный,
Его скальпель под сердцем застрял.

* * *

Лег туман на острова,
Расслоился рыхло,
Замолчали деревья,
И река утихла.

Дрожь метнулась по земле.
Новый день встречая,
Чуть затеплились во мгле
Свечи Иван-чая.

Обнаженный луч зари
Выпорхнул полого.
Ни о чем не говори,
Помолчи немного.

* * *

Я все придумал, ничему не верьте,
Друзья мои, придуманные мной:
И жизнь, и смерть, и все, что после смерти,
Все сущее под солнцем и луной,

Но их я тоже выдумал. И снова,
Как говорится, лучшего не мог.
На самом деле было только Слово,
Вы помните, и слово было Бог.

Изменчивой основы постоянства
И хаоса гармоний и огня,
И вечной бесконечности пространства,
И вечности самой, да и меня –

На самом деле – не было и нету,
И никогда не будет! Потому
Стремимся мы к божественному свету,
А сами погружаемся во тьму.

И каждый, каждый, выдуманный мною,
Меня придумал тоже, воскресил.
И вот живу под солнцем и луною,
Хоть никого об этом не просил.

И выдумал зарницы, что полощут
В глазах любимой. Радости и грусть.
Все родинки, все тайные – наощупь –
Я выдумал – на вкус и наизусть.

Так выдуманно мною все на свете.
И крым и рым, подруги и друзья,
И недруги.
И только строки эти –
Ни выдумать, ни вымолить нельзя.

* * *

Я тоже просыпался на заре
От криков петушиных на дворе,

От звяканья ведерок у колодца,
От пахнущего яблоками солнца,
От грохота трамваев поутру,
От стекол, дребезжащих на ветру.
Я вскакивал: будила мошкара
У черного остывшего костра...
От радостных иголочек по коже –
Тоже.

* * *

Угар необратим и неминуем -
И запах твой почую - и сперва
С открытых губ срываю поцелуем
Бесстыжие -
И нежные слова.

Да, задыхайся! Задыхаюсь тоже.
Да, прячься в тень опущенных ресниц!
А я найду - по выдоху, по дрожи,
По взлету крови, всполохам зарниц.

Гуляка-ветер – по небу, по роще.
Он трогает и пьет тебя – и пусть:
Он не соперник, я смелей и проще,
Я все, что хочешь, знаю наизусть!

Я знаю, как уснуть и не проснуться –
От пули, от любви и от тоски,
Как жаждут губ целующих коснуться
Набухшие и твердые соски.

А Млечный Путь – ночная заварушка –
Течет меж губ, на языке горчит.
Мобильник твой – изящная игрушка –
Вне зоны оператора молчит.

Надламываясь, падают антенны
В далеких невозвратных городах.
Заходятся пожарные сирены,
И путаются крики в проводах.

И скопища галактик – по спирали –
Летят, накрываясь, в чертову дыру.
И жизнь летит, и выживем едва ли,
Но жив пока – я средю не умру!

И ты со мной. Горячая, живая,
Горячечная – полымя и зной.
И поцелуй, как рана ножевая,
Как пуля, остановленная мной.

И взгляд зеленый застит поволока.
Глаза ничуть, нисколько не хитры.
А где-то рядом, далеко-далёко,
Сгорают сопредельные миры.

* * *

Ты ли женщину эту во сне целовал,
Задыхался в полыни волос?
Ты ли трогал лица её светлый овал,
Так, что с привязи сердце рвалось?

Просыпаешься, куришь и смотришь во тьму,
Гонишь образ витающий прочь.
Или думаешь ты, что тебе одному
Она снится которую ночь?

Её дом и её сторожит тишина –
Неподкупный и преданный зверь.
Но во сне не тебя ль обнимала она –
И краснеет при встрече теперь?